

Біблійний наратив примирення Йосипа і братів як зразок для лідерства в контексті миротворчості в сучасній Україні.

Анотація. Доведено, що національне лідерство України, в сучасній ситуації соціальної кризи, є одним з ключових чинників подолання соціального конфлікту, а біблійний наратив Йосипа і братів містить потенціал для формування миротворчого образу лідерства. Культивування образу лідерства «покаяння» і «вибачення» представленого в біблійному наративі, здатне перетворити контекст «непрощення» і «спраги помсти». Введення дискурсів «покаяння» і «прощення» в образ національного лідерства, в умовах соціальної кризи і роз'єднаності веде до розуміння, прийняття і переосмислення «іншого», до зміни ідентичності лідера і нації в цілому.

Ключові слова: наратив, примирення, лідерство, конфлікт, соціальна криза, прощення, покаяння.

Tatsiun R. I., senior researcher, Centre for the study of religion National pedagogical University named after M. P. Dragomanov (Kyiv, Ukraine), E-mail: radyslav.tatsiun@uets.net

Biblical narrative of reconciliation between Joseph and his brothers as an example for leadership in the context of peacekeeping in modern Ukraine.

Abstract. It is proved that the national leadership of Ukraine, in the current situation of the social crisis, is one of the key factors for overcoming the social conflict, and the biblical narrative of Joseph and the brothers contains the potential for the formation of a peacekeeping image of leadership. Cultivating the image of the leadership of «repentance» and «forgiveness» presented in the biblical narrative, can transform the context of «unforgiveness» and «thirst for revenge». The introduction of discourses «repentance» and «forgiveness» in the image of national leadership, in conditions of social crisis and disunity leads to understanding, acceptance and rethinking of the «other», to a change in the identity of the leader and the nation as a whole.

Keywords: narrative, reconciliation, leadership, conflict, social crisis, forgiveness, repentance.

УДК 141.412

Тимофеев А. В.,

кандидат философских наук,

ассистент кафедры философии и педагогики

Государственный ВУЗ «Национальный горный университет»

(Днепро, Украина), E-mail: 2011satimo@gmail.com

СТОИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ В ТРИНИТАРНОМ БОГОСЛОВИИ ТЕРТУЛЛИАНА И ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЦИИ

Аннотация. Анализируется значение термина «субстанция» в тринитарном богословии Тертуллиана. В свете известной ригористической позиции Тертуллиана по отношению к греческой философии подчеркивается влияние учения стоиков о материальности всего сущего на формирование воззрений латинского апологета. Значения терминов «субстанция», «персона», «вид» в трактате «Против Праксея» рассматриваются в контексте становления принципа индивидуации в западной интеллектуальной традиции.

Ключевые слова: субстанция, Троица, телесность, стоицизм, принцип индивидуации.

Постановка проблемы. В современном постмодернистском дискурсе знаковой тенденцией становится переосмысление субстанциональной парадигмы в различных версиях антиэссенциализма. Так, Аллен Бадью в своей книге «Делез. Шум бытия», опираясь на работы Ж. Делеза говорит, что субстанцией мира надо считать виртуальное, реальность же есть его симулякр [4, с. 39]. Такое заявление, несмотря на его провокационность, представляется близким пониманию термина субстанция в латинской богословской традиции, где субстанция Бога противостоит контингентному бытию конкретных сущностей-ипостасей. Непознаваемость Бога коррелирует с виртуальностью, а контингентность с реальностью-симулякром. Поэтому виртуальное в схоластическом понимании – это нечто идеальное: например, Бог – виртуален, но это не значит, что он возможен, – он в полной мере реален. «Божья актуаль-

ность и совершенство объемлют совершенства всех вещей... таким образом, Бог виртуально есть всё», – писал Фома Аквинский [13, с. 45].

С другой стороны, проблема эссенциализма определяет решение проблемы индивидуации: возникновение многого из единого. Если субстанция мира виртуальна, а реальность – лишь симулякр, каким образом я могу утверждать свою индивидуальность? К решению проблемы индивидуации раннехристианские авторы обращались, разрабатывая учение о Троице. В этой связи представляется актуальным проследить прочтение термина субстанция латинским апологетом II-го века Квинтом Септимием Флоренсом Тертуллианом, оказавшим значительное влияние на становление латинского богословия и всей западноевропейской интеллектуальной традиции. При этом следует обратить внимание на тот факт, что употребление термина эссенция применительно к божественной сущности в западной богословской традиции утвердилось благодаря усилиям Блаженного Августина. Именно Августин, опираясь на свое учение о простоте Бога, заменил термин субстанция термином эссенция. Таким образом, исследование значения термина субстанция в триадологии Тертуллиана можно считать современной попыткой преодоления эссенциализма в контексте возвращения к более ранней интеллектуальной традиции.

Анализ исследований и публикаций. К исследованию учения Тертуллиана обращались ученые XIX–XX вв.: Д. В. Гусев, И. П. Реверсов, И. В. Попов, К. Д. Попов, П. Ф. Преображенский, К. М. Мазурин, А. А. Спасский, Н. В. Штернов, Н. Н. Щеглов; современные исследователи: С. С. Неретина, А. Р. Фокин, А. А. Столяров; зарубежные ученые: Ю. Барр, Г. М. Зиллинг, Т. Д. Барнес, Д. Вилхайт (David E. Wilhite), Дж. Моингт (Joseph Moingt), Э. Осборн, Д. Ранкин, Д. Робин М. Хиллар и др. Из украинских научных работ следует отметить статью Т. Казакова об эсхатологии Тертуллиана, ее истоках и влиянию на учение Западной церкви, статьи О. Сырцовой, посвященные учению Тертуллиана о творении мира ex nihilo в контексте полемики с Гермогеном, а также статью О. Принько, где автор рассматривает теорию христианского знания Тертуллиана в социально-историческом аспекте. Исследования, посвященного триадологии Тертуллиана до настоящего времени в Украине не проводилось. В этой связи **цель статьи** заключается в экспликации прочтения термина субстанция латинским апологетом II-го века Квинтом Септимием Флоренсом Тертуллианом в контексте становления принципа индивидуации в западной интеллектуальной традиции.

Изложение основного материала. Для лучшего понимания предмета исследования рассмотрим основные значения термина субстанция в латинской средневековой философии.

Как известно, термин *substantia* может быть переводом двух греческих слов: 1) латинский эквивалент греческого термина *οὐσία*; 2) точная калька греческого *ὀψοστασις* (в значении «реального индивидуума»).

В первом значении (перевод греческого *οὐσία*) термин «субстанция» применительно к сущности Бога) употреблялся в латинской патристике преимущественно до Августина. Впоследствии термин *οὐσία* был переведен Августином как *essentia*. «Те, кто рассматривают эти вопросы по-гречески, – писал Августин, – привыкли говорить *μίαν οὐσίαν* и *τρεῖς ὀψοστασεις*, что на латыни – одна сущность и три субстанции (*unam essentiam tres substantias*)» (*De Trinitate* 5, 10) [1]. Отталкиваясь от своего учения о тождественности в Боге свойств и сущности, Августин утверждал, что термин «субстанция» не может быть применен к Богу, т.к. это понятие (в аристотелевской категориальной традиции) предполагает разделение на субъект и предикаты (акциденции), что противоречит учению о «Божественной простоте».

Так, уже в определении Боэция «индивидуальная субстанция разумной природы» (*persona est naturae rationalis individua substantia*), – *substantia* это калька или буквальный перевод *ὀψοστασις*, а *persona* – перевод греческого *πρόσωπον*. Интересно, что, заимствуя определение личности у Боэция, Фома Аквинский пытается пре-

образовать его, чтобы применить к Лицам Троицы: *persona* Бозция у Аквината превращается в *relatio* (отношение)¹ [6]. В данном случае, перефразируя «парадигму де Реньона»², можно говорить о западной тринитарной модели, которая основывается на категориях сущности и отношений, в отличие от восточной модели, где единство и различие описывается категориями сущности и ипостаси.

Во времена Тертуллиана (155/165-220/240 гг.) на латинском Западе, *substantia*, судя по всему, воспринималась как регулярный перевод *ουσία*, а не *υπόστασις* [8, с. 235]. Слово «ипостась» не имело аналога в латинской традиции, вместо слова «ипостась» использовалось слово «лицо» или «персона». Так в западной богословской традиции утвердилось понятие «одна сущность (*substantia*), три лица (*persona*)» (*una substantia tres personae*), а на Востоке, со времени Василия Великого, – «одна сущность (*ουσία*), три ипостаси (*υποστασις*)». Не вдаваясь в богословские различия западной и восточных формул и следствия из них, представим прочтение термина «субстанция» раннехристианским автором, «творцом» латинского церковного языка Квинтом Септимием Флоренсом Тертуллианом.

Для нашего исследования важно отметить заслуги Тертуллиана в создании латинской богословской терминологии. В этом смысле значение Тертуллиана универсально. Он создал «христианскую латынь», способную выразить как нюансы христианского сознания, так и отвлеченные смыслы нарождавшейся догматики [11, с. 21]. Тертуллиан проделал ту же работу, что в свое время Цицерон, переводивший греческую философскую лексику на латынь. Создание устойчивой традиции употребления семантических неологизмов (напр., *sacramentum* «таинство», *persona* «Лик», «Лицо» [Св. Троицы], *Trinitas* «Троица», *praescientia* «промысл», *providentia* «провидение») и грецизмов (напр., *apostolus*, *diaconus*, *diabolus*, *haereticus*, *neophytus*, *symbolum* etc.) в качестве технических терминов конфессионального и догматического языка позволяет считать Тертуллиана «отцом» христианской латыни [11, с. 21–22]. Тертуллиан также по праву считается «творцом» латинского тринитарного богословия, которое кратко можно выразить посредством формулы: «одна субстанция в трех Лицах».

Для экспликации употребления термина «субстанция» в триадологии Тертуллиана обратимся к догматико-полемическому трактату «Против Праксея», написанному Квинтом Септимием Флоренсом Тертуллианом в поздний (монтанистский) период его творчества (ок. 215 г.). При рассмотрении данного вопроса мы будем опираться на исследования К. Морескини, А. А. Спасского, А. А. Столярова, А. Р. Фокина и др.

Опровергая ересь Праксея, утверждавшего единство Бога не только по сущности, но и по Лицу, (т.е. неразличимость Ипостасей Святой Троицы), Тертуллиан в своем трактате «*Adversus Praxean*» разрабатывает латинскую триадологическую терминологию. Во-первых, Тертуллиан делает несколько уточнений лингвистического характера. В качестве терминов, выражающих единство Бога, из числа всех прилагательных, употребляющихся в Новом Завете, Тертуллиан изымает прилагательное *solus* [единственный/обособленный], хотя он и обнаруживает его в Священном Писании (см. 1 Тим. 1, 17). Термину *solus* латинский апологет предпочитает *unus* [один] и производит от него *unicus* [единственный/уникальный], которым он всегда и пользовался как более ясным по своему значению.

Полемизируя с Праксеем, который вменял в вину православным то, что они учат такому богословию, в рамках которого три Лица, будучи отделены друг от друга, безусловно, представляют из себя три божества, Тертуллиан противопоставляет

¹ См. Bergeron E. *La structure du concept latin de personne*. Pans-Ottawa, 1932.

² Французский теолог XIX в. Теодор де Реньон в первом томе своего четырехтомника «Исследования о позитивной тринитарной теологии» сформулировал классический принцип различия между западным и восточным тринитарными подходами, который получил название «парадигма де Реньона»: западная мысль движется от единой сущности к трем Ипостасям, а восточная — от трех Ипостасей к единой сущности. См. De Régnon Th. *Études de théologie positive sur la Trinité*. Vol. 1. Paris, 1892. P. 433.

ему понятие *unitas* [единственности] в сочетании с понятием *trinitas* [троичности]. В русле всей христианской традиции *unitas* служило уже не для выражения идеи единичности, но для выражения идеи морального единения и согласия, а также духовной нерасторжимой сопряженности [8, с. 232–233]. Так, во второй главе «Против Праксея», опровергая утверждение своего оппонента, о том, что «в Единого Бога следует верить не иначе, как считая Отца, Сына и Святого Духа Тем же самым», Тертуллиан говорит о «тайнстве домостроительства, которое располагает Единицу в Троицу (*unitatem in trinitatem*), производя Трех – Отца, Сына и Святого Духа... Они имеют единую сущность, единое положение и единое могущество (*unius autem substantiae et unius status et unius potestatis*), ибо Один Бог, от Которого происходят эти степени, формы и виды (*gradus isti et formae et species*) – Отец, Сын и Святой Дух» (*Adv. Prax.* 2,3) [5].

Обратим внимание на последнюю фразу цитаты.

Определение «степени» (*gradus*) применительно к Троице отражает свойственное апологетам введение иерархического отношения между Лицами или принцип субординационизма.

«Формы» (*formae*) представляют собой образы или способы бытия Божественных Лиц. Тут Тертуллиан, очевидно, предвосхищает каппадокийское понятие отличительных «ипостасных свойств» Божественных Лиц [7, с. 294].

Последнее же определение – «виды» (*species*), употребляемое здесь Тертуллианом, происходит от корня «видеть, смотреть» и встречается в словах *speciosus* (красивый, показывающий себя), *speculum* (зеркало), *specimen* (пример, знак), *spectrum* (внешний вид, образ), *perspicuus* (прозрачный, ясно видимый), *speculatio* (созерцание, умозрение, медитация), а также *spectaculum* (зрелище). Определение «вид» имеет двойное значение: во-первых, «вид» означает то, что представляет взгляду, делает видимым и только затем принцип идентификации и классификации. Поэтому вид не подразделяет род, а выставляет его напоказ, делая видимым. Таким образом, Тертуллиан пытается показать, что невыразимая сущность Бога «показывается», «делается видимой» благодаря Лицам Троицы, сохраняя тождество единой природы и различия Лиц.

Продолжая традицию логологии апологетов в разделении Слова, пребывавшего в разуме Бога и Слова произнесенного, Тертуллиан говорит, что до творения это Слово (*λόγος, ratio, sermo*) не исходило от Бога, а рождалось только в мысли. Когда же Бог сказал: да будет свет, тогда Слово Его в подлинном смысле родилось от Него (*tunc igitur sermo speciem et ornatum suum sumit*) стало Сыном едиnorodным, (*unigenitus, ut solus ex Deo genitus*), существующим Отцу в раздельности от Него, как *res substantiva* [10, с. 62].

Подчеркнем, что в выражении *res substantiva* (вещь, существующая субстанционально) термин «субстанция» приобретает значение реально существующего бытия, отдельно взятой реальности. Это реальное существование является Лицом: «И какова бы ни была сущность Слова, я называю ее Лицом и прилагаю к ней имя Сына» (*Adv. Prax.* 7, 9) [5]. Речь здесь идет об отношениях между Лицами Троицы, можно сказать, что Тертуллиан стоит у истоков «богословия отношений», столь активно развивающегося сегодня [7, с. 293]. «Взаимное отношение» означает для Тертуллиана, «что Отец не может относиться к себе, как к Сыну» [16, с. 127] и наоборот. В данном случае трудно согласиться с американским исследователем М. Хиллар, пишущим о чисто модальном разделении в Божестве, когда Тертуллиан утверждает реальность Слова и Святого Духа по распределению как *substantiva res* [14, с. 216].

В предложенной Тертуллианом дефиниции *substantiva res* нам видится важный момент в разработке принципа индивидуации – Слово произведено, но не отделено от Отца, – сохраняя единство, обретает самостоятельность: «Потому что Бог производит (*protulit*) Свое Слово, как ствол – ветвь, источник – поток и солнце – луч. Все, что происходит от другого, уже поэтому самому становится неотделимым (*non*

separatum) от того, от чего оно произошло. Но так как оно — второе, то существуют два. Третий же, Св. Дух, от Отца и Сына истекающий, как третий — плод от ветки, третья — река, истекающая из потока и третья от солнца — отражение (арех) луча» (Adv. Prax. 8) [цит. по 10, с. 64]. Следует отметить, что образы, которые использует здесь латинский апологет (ветвь-плод, поток-река, солнце-луч), имеют явно выраженное стоическое происхождение.

Известно, что Тертуллиан занимал крайне ригористическую позицию по отношению к греческой философии: «Что общего между философом и христианином? Между учеником Греции и учеником Неба? Между искателем истины и искателем вечной жизни?» — спрашивает Тертуллиан (Apol. 46). И отвечает: «Решительно ничего, как нет общего между «Афинами» и «Иерусалимом»» (De praescr. 7) [цит. по 11, с. 24]. Тертуллиан, безусловно, был достаточно резок в своей оценке негативной роли классической философии и образованности, однако он не был обскурантистом и иррационалистом [3, с. 94]. Так, разрабатывая учение о Троице, Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан обращался к современной ему стоической философии¹, как к целесообразному эвристическому средству. Э. Осборн отмечает: «Тертуллиан постоянно использует стоические термины: тело, дух, субстанцию, природу и слово. В результате его концепции бытия, души, знания, Бога и добра несут четкие следы стоического влияния» [16, с. 35].

Говоря об источниках триадологии Тертуллиана, считаем, следует согласиться с мнением А.А. Спасского о том, что в своем понимании «имманентной» Троицы Тертуллиан опирается на стоическое учение о категориях и о материальности всего сущего: «... genus (род), сообразно общей схеме материалистического воззрения стоицизма, включает все виды species, при чем каждая species (вид), взятая в отдельности, реализует в конкретном виде свой genus, при чем genus не уменьшается, и все species, при своей нераздельности, стоят в неразрывной внутренней связи с genus... Совершенно так же выражается и Тертуллиан: «все, что из другого, должно быть вторым, но все второе недалеко лежит от первого; ничто так не близко к первому, как второе; что происходит из первого, то в некоторых отношениях представляет собой второе первое»» (Apol. 6) [10, с. 73].

По мнению Тертуллиана, в душе естественным путем образуются первичные представления о Боге, благе, зле и т.п. (Воскр. 3; 5 и др.), что очень близко к стоической теории «общих представлений» [11, с. 25]. В данном контексте неудивительно, что попытки Тертуллиана уточнить значение substantia находятся под влиянием стоицизма. В стоической философии термин «субстанция» часто сочетается с термином «материя». Таким образом, позаимствовав этот термин в латинской философии, Тертуллиан употребляет его в стоическом значении реально существующего бытия, отдельно взятой реальности. Все сущее для Тертуллиана, как и для стоиков — телесно. В «Против Праксея» Тертуллиан описывает субстанцию Слова Божия как Дух: «Слово же образовано Духом и, если можно так сказать, тело Слова есть Дух» (Adv. Prax. 4, 8) [5]. Так, специфическую субстанцию Слова (Sermo) составляет Дух: он воспринимается Тертуллианом в том же значении, которое придают ему стоики, т.е. в значении материальном, как corpus sui generis [своего рода тело]: слово, разум и сила суть не что иное, как проявления бытия Слова, опора которого есть Дух [8, с. 236].

Далее, определяя отношения между Словом и Богом, Тертуллиан пишет: «Мы говорим, что Он произнесен (prolatum) Богом и через произнесение рожден, и потому он назван Сыном Бога и Богом, по причине единства субстанции (ex unitate substantiae); поскольку Бог есть дух» [цит. по 8, с. 236]. Как было указано выше, термин unitas следует понимать не в смысле обособленности, математической единичности или единственности, но как владение чем-то сообща, приобщенность чему-то

¹ О влиянии стоической философии на воззрения Тертуллиана см. Timothy H. The Early Christian Apologists and Greek Philosophy. Assen, 1973. P. 48-50.

общему¹.

Таким образом, субстанция обозначает материю, конституирующую божественное бытие, в то время как *unitas* между Богом и Сыном обозначает общность субстанции в том смысле, в каком и сказано: «Я и Отец – одно» (Ин. 10:30) [8, с. 237]. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан в «Против Праксея» хочет показать, что субстанция в той же мере, в какой она находится в Боге, т.е. в Отце, в такой же мере находится и в Сыне и их «образует», являясь духом. Здесь прослеживаются явные коннотации Ин. 4:24 «Бог есть Дух», откуда, представляется, латинский апологет черпает доктрину о «субстанции Бога», соединяя религиозный реализм библейского откровения со стоическим материализмом: «Ибо кто же станет отрицать, что Бог есть тело, хотя Бог есть Дух (Ин. 4:24)? Ведь дух есть своего рода тело в своем образе» (Adv. Prax. 4, 7) [5]. Для Тертуллиана, как и для стоиков, Дух телесен, но его телесность качественно отлична от простых вещественных образований. Как отмечает А.А. Столяров, опираясь на тексты трактатов Тертуллиана «О душе» и «Против Гермогена»: «Субстанция» всякой вещи есть телесность определенного качества (Adv. Herm. 35–36). Речь идет, следовательно, об «индивидуальной сущности» объекта; это соответствует стоической категории «индивидуального качества» (*Idiōs ποιόν*). «Природа» есть род по отношению к «субстанции»: например, «субстанции» камня и железа различны, но «природа» (твердость) – общая (De an. 32)» [11, с. 26].

В богословской полемике с Праксеем, для того, чтобы избежать двусмысленности в значении термина субстанция (который может пониматься и как «реальное существование», подразумевая «лицо»), начиная с 12 главы трактата, Тертуллиан противопоставляет субстанцию понятию *persona*, т.е. понятию, эквивалентному на Западе понятию «ипостась»: «ты должен понимать, что [Сын] иной по Лицу, а не по названию сущности, [иной] по различению, а не по разделению» (Adv. Prax. 12,6) [5]. Воспользовавшись стоической терминологией можно сказать, что «персона», по мысли Тертуллиана, обозначает «не то же самое, что сущность, из которой она происходит, но, конечно, и не иное что, только не то же самое» [цит. по 10, с. 73].

Вспомним, что персона исходно означала маску, а ипостась имела значение подставки, статичной основы, уверенности. Привязав маску к субстанции определенного бытия (ипостаси) Тертуллиан делает важный шаг в разработке принципа индивидуации: персона есть захват вида и его крепление к субстанции, что позволяет произвести её возможную идентификацию. Заимствуя сравнение у Джорджо Агамбена, можно сказать, что подобным образом устроены документы идентификации: они содержат фотографию (или другой механизм захвата вида). Думаю, следует согласиться с итальянским философом в том, что принесение особенности в жертву идентичности можно назвать «первородным грехом нашей культуры» [2, с. 62]. Паспорт гражданина (как принадлежность к общему) для нас намного важнее, чем собственная фотография (особенное).

Пытаясь избежать подобного «греха» по отношению к Лицам Троицы, Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан утверждает: «Исповедав эту истину, я говорю, что иной есть Отец, иной – Сын и иной – Дух Святой. Неведущий или совращенный с пути человек совращается сим словом... Но я говорю это для обозначения не разнообразия, но распределения, не разделения, но отличия (Adv. Prax. 9,1) [цит. по 9, с. 742]. В «Против Праксея» Тертуллиан говорит о «Единой сущности в Трех взаимосвязанных Лицах» [5]. Так в латинской патристике утверждается троичная формула «одна сущность, три лица». Фактически, задолго до Никейского собора Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан формулирует понятие «единосущия». В самом деле, у него три Лица – Отец, Сын и Св. Дух – принадлежат «одной и той же сущности» (*unius substantiae*) и связаны «единством сущности» (*per substantiae unitatem*) [12].

¹ В подобном смысле средневековый мистик XII века св. Бернард Клервоский, комментируя Песнь Песней, говорил о высшем знании (любви), как об общем «имуществе супругов» – Небесного Жениха (Христа) и Невесты (души, Церкви).

Тесно соприкасаясь с апологетической богословской мыслью, Тертуллиан вносит существенные дополнения, положившие начало новому движению богословской мысли. Известный протестантский теолог Ю. Мольтман подчеркивает, что благодаря Тертуллиану богословская дискуссия перешла на новый уровень [15, с. 137].

Заслуга Тертуллиана заключается в том, что он развел понятия субстанции (общей природы или *unitas*) и Лица (*persona*). По словам К. Морескини: «Тертуллиан не был первым, кто обратился к понятию «лица», но он был первым, кто придал ему православное значение – и это произошло на Западе, притом, что восточная мысль никогда в полной мере не воспримет *πρόσωπον*, так как в этом слове слишком сильно проступало его исходное значение «личины/маски» и, тем самым, условного «театрального персонажа», не имеющего своего собственного индивидуального бытия» [8, с. 239].

В тричном богословии Тертуллиана Лицо (*persona*) принадлежит божественной сущности и вместе с тем существует субстанционально. Так, чтобы передать понятие Лица, в конце трактата «Против Праксея» Тертуллиан употребляет выражение *substantiva res* [вещь, существующая субстанциально] (*Adv. Prax.* 26, 6) [8, с. 237], полагая начало разработке принципа индивидуации в латинской средневековой традиции.

Выводы и перспективы. Важным итогом библейско-стоического синтеза Тертуллиана в богословском понимании термина «субстанция» можно считать сохранение самого статуса «телесности» (которую гностики объявляли злом и небытием) с целью защитить действительность человеческого во Христе и таким образом обосновать реальность надежды телесного воскресения. Представляется, что в этой «телесной» трактовке Божественной сущности Квинтом Септимием Флоренсом Тертуллианом заложены основания мистической чувственности католицизма: мучительно-сладостное упоение страстями Господними, стигматы, «Подражание Христу» – отличительные характеристики того типа религиозного опыта, который основывается на телесности (антропологизме) и психологизме (после Августина) и является отличительной чертой мистики Запада. Также следует отметить, что, разрабатывая триадологическую проблематику в полемике и под непосредственным воздействием монархианства, в своих рассуждениях Тертуллиан движется от единства к множеству, что (несмотря на критику «парадигмы де Реньона» современными авторами) можно назвать отличительной чертой западной богословской традиции.

Предложенное латинским апологетом определение «вещи, существующей субстанционально» (*res substantiva*) полагает начало разработке проблематики индивидуации в латинской богословской традиции. Представляется, что здесь закладываются и основания средневекового номинализма: Беренгар Турский в XI веке будет говорить о реальности чувственных субстанций, а Росцелин из Компьени учить, что существуют лишь единичные вещи (*res singularis*). Применительно к учению Троице такая позиция означала, что в Боге важнее ипостаси, чем единство, и была осуждена Церковью как ересь тритеизма. Тертуллиан же избегает подобной опасности, вводя в свою триадологию термин «икономия» (греч. *oikonomia* – домоуправительство, управление домом), посредством которого становится возможным согласование единства Бога по сущности (*ousia*) и троичности Лиц в управлении миром. Изучение данного аспекта триадологии Тертуллиана в историко-философском контексте может стать предметом дальнейших научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Аврелий Августин Блаженный. О Троице. Книга 5, 10. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-troitse/1_6 (Дата обращения: 04.11.2017).
2. Агамбен Дж. Специальное бытие. Профанации / пер. с итал. К. Токмачева под ред. Б. Скуратова. – М.: Гилея, 2014. – С. 57–63.
3. Афонасин Е. В. Полемика Тертуллиана против философии и гностицизма. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2002. – С. 85–96.

4. Бадью А. Делез. Шум бытия / пер с фр. Д. Скопина. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», Логос-Альтера, 2004. – 184 с.
5. Квинт Септимий Флорент Теруллиан. Против Праксея / пер. с лат под ред. А. Р. Фокина. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/protiv-prakseja/#note1> (Дата обращения: 14.10.2017).
6. Лосский В. Н. Богословское понятие человеческой личности. – URL: http://psylib.org.ua/books/_lossv03.htm (Дата обращения: 11.11.2017).
7. Мефодий Зинковский, иером. Об истоках и современности богословского употребления термина «персона» // СХОЛН, 2013, Vol. 7, 2, С. 288–309.
8. Морескини К. История патристической философии / пер. с итал. Л. П. Горбуновой. – М.: Издательство «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2011. – 864 с.
9. Святитель Афанасий Великий, Архиепископ Александрийский. Творения: в 3 т. – М.: Сибирская Благовонница, 2015. – Т.1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. Прил.: Иером. Кирилл (Лопатин). Учение Святого Афанасия Великого о Святой Троице. – 864 с.
10. Спасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). – Сергиев Посад, 1914. – Т.1: Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). – 650 с.
11. Столяров А. А. Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение. Тертуллиан. Избранные сочинения / пер. с лат., общ. ред. и сост. А. А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. – С. 7–34.
12. Фокин А. Р. «Отцов можно открывать бесконечно». – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2439242.html> (Дата обращения 11.11.2017).
13. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга вторая / пер. и прим. Т. Ю. Бородай. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 584 с.
14. Hillar M. Tertullian and the Doctrine of the Trinity. From Logos to Trinity: The Evolution of Religious Beliefs from Pythagoras to Tertullian. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – pp. 190–220.
15. Moltmann J. The Foundation of the Doctrine of the Trinity: Tertullian. The Trinity and the Kingdom: The Doctrine of God. – Minneapolis: Fortress Press, 1993. – pp. 137–139.
16. Osborn E. F. Tertullian, First Theologian of the West. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 308 p.

REFERENCES:

1. Avreliy Avgustin Blazhenny. O Troitse [In Trinity]. Kniga 5, 10. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-troitse/1_6 (Accessed: 04.11.2017).
2. Agamben Dzh. Spetsial'noe bytie. Profanatsii [Special Genesis. Profanity] / per. s ital. K. Tokmacheva pod red. B. Skuratova. – М.: Gileya, 2014. – S. 57–63.
3. Afonasin E. V. Polemika Tertulliana protiv filosofii i gnostitsizma. Antichnyy gnostitsizm. Fragmenty i svidetel'stva [Tertullian Polemics against philosophy and of Gnosticism. Ancient Gnosticism. Fragments and testimonies]. – SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2002. – S. 85–96.
4. Bad'yu A. Delez. Shum bytiya [The noise of existence] / per s fr. D. Skopina. – М.: Fond nauch. issled. «Pragmatika kul'tury», Logos-Al'tera, 2004. – 184 s.
5. Kvint Septimiy Florent Terullian. Protiv Prakseya [Against Praxeas] / per. s lat pod red. A. R. Fokina. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/protiv-prakseja/#note1> (Accessed: 14.10.2017).
6. Losskiy V. N. Bogoslovskoe ponyatie chelovecheskoy lichnosti [The theological notion of the human person]. – URL: http://psylib.org.ua/books/_lossv03.htm (Accessed: 11.11.2017).
7. Mefodiy Zinkovskiy, ierom. Ob istokakh i sovremennosti bogoslovskogo upotrebleniya termina «persona» [About the origins and modern theological use of the term «person»] // СХОЛН, 2013, Vol. 7, 2, S. 288–309.
8. Moreskini K. Istoriya patristicheskoy filosofii [History of patristic philosophy] / per. s ital. L. P. Gorbunovoy. – М.: Izdatel'stvo «Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina», 2011. – 864 s.
9. Svyatitel' Afanasiy Velikiy, Arkhiepiskop Aleksandriyskiy. Tvoreniya [Archbishop Of Alexandria. Creations]: v 3 t. – М.: Sibirskaaya Blagovonnitsa, 2015. – Т.1: Tvoreniya apologeticheskie, dogmatiko-polemicheskie i istoriko-polemicheskie. Priil.: Ierom. Kirill (Lopatin). Uchenie Svyatogo Afanasiya Velikogo o Svyatoy Troitse. – 864 s.
10. Spasskiy A. A. Istoriya dogmaticheskikh dvizheniy v epokhu Vselenskikh Soborov (v svyazi s filosofskimi ucheniyami того времени) [History dogmatic movements in the era of the

Ecumenical Councils (in connection with the philosophical doctrines at the time)]. – Sergiev Posad, 1914. – Т.1: Trinitarnyy vopros (istoriya ucheniya o Sv. Troitse). – 650 s.

11. Stolyarov A. A. Tertullian. Epokha. Zhizn'. Uchenie. Tertullian. Izbrannye sochineniya [Tertullian. Era. Life. Doctrine. Tertullian. Selected writings] / per. s lat., obshch. red. i sost. A. A. Stolyarova. – М.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura», 1994. – S. 7–34.

12. Fokin A. R. «Ottsov možhno otkryvat' beskonechno» [«Fathers can be open indefinitely»]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2439242.html> (Data obrashcheniya 11.11.2017).

13. Foma Akvinskiy. Summa protiv yazychnikov. Kniga vtoraya [Sum against the pagans. Book two] / per. i prim. T. Yu. Boroday. – М.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2004. – 584 s.

14. Hillar M. Tertullian and the Doctrine of the Trinity. From Logos to Trinity: The Evolution of Religious Beliefs from Pythagoras to Tertullian. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – pp. 190–220.

15. Moltmann J. The Foundation of the Doctrine of the Trinity: Tertullian. The Trinity and the Kingdom: The Doctrine of God. – Minneapolis: Fortress Press, 1993. – pp. 137–139.

16. Osborn E. F. Tertullian, First Theologian of the West. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 308 p.

Тимофєєв О. В., кандидат філософських наук, асистент кафедри філософії і педагогіки Державного ВНЗ «Національний гірничий університет» (Дніпро, Україна), E-mail: 2011satimo@gmail.com

Стойкі конотації в тринітарному богослов'ї Тертуліана і принцип індивідуалізму.

Анотація. Аналізується значення терміну «субстанція» в тринітарному богослов'ї Тертуліана. У світлі відомої ригористичної позиції Тертуліана по відношенню до грецької філософії підкреслюється вплив вчення стоїків про матеріальність усього суцього на формування поглядів латинського апологета. Значення термінів «субстанція», «персона», «вид» в трактаті «Проти Праксея» розглядаються в контексті становлення принципу індивідуалізму в західній інтелектуальній традиції.

Ключові слова: субстанція, Трійця, тілесність, стоїцизм, принцип індивідуалізму.

Tymofieiev A. V., PhD in philosophical sciences, assistant of the Department of Philosophy and Pedagogy, State HEI «National Mining University» (Dnipro, Ukraine), E-mail: 2011satimo@gmail.com

Stoic connotations in the Trinitarian theology of Tertullian and the principle of individualism.

Abstract. The purpose of the article is to explicate the meaning of the term 'substantia' in the Trinitarian theology of Tertullian. The author of the article points to the fact that the use of the term 'essentia' in relation to the divine essence in the Western theological tradition was established owing to the efforts of St. Augustine. It was Augustine, who is replaced the term 'substantia' with the term 'essentia', grounding on his teaching on the simplicity of God. Thus, the study of the meaning of the term 'substantia' in the triadology of Tertullian can be considered as a modern attempt to overcome essentialism in the context of a return to an earlier intellectual tradition.

It is explored the influence of Stoicism on the formation of the views of the Latin apologist by grounding on the analysis of Tertullian's Treatise 'Against Praxeas'. It is known that Tertullian had an extremely rigorous position with respect to Greek philosophy. However, in developing the doctrine of the Trinity, Tertullian turned to modern to him Stoic philosophy as an expedient heuristic means. Relying on the Stoic doctrine of the materiality of all things, Tertullian claimed that the substance of God is the Spirit, and the Spirit is a kind of body in its image. The very same inexpressible substance of God is demonstrated through the Persons of the Trinity, preserving the identity of the one nature and the difference of Persons.

An important result of the Biblical-Stoic synthesis of Tertullian in the theological interpretation of the term 'substantia' can be considered as the preservation of the very status of 'corporeality', in order to maintain the reality of the human in Christ and thus to substantiate the reality of Christian hope for bodily resurrection. The author believes that the Tertullian's definition 'substantiva res' ('thing, existing substantially'), applied to the Persons of the Trinity, suggests the beginning of the development of the problematic of individuation in the Latin theological tradition.

Keywords: substantia, Trinity, corporeality, Stoicism, principle of individuation.